

БИБЛЕЙСКАЯ СИМВОЛИКА В РОМАНЕ Т. ХАРДИ «ДЖУД НЕЗАМЕТНЫЙ»*

Статье посвящена рассмотрению библейских символов в романе Т. Харди «Джуд Незаметный», что позволяет осветить некоторые из ранее не изученных аспектов творчества писателя. Наиболее значимым библейским образом становится соотносимый романистом с Небесным Иерусалимом город Крестминстер, куда устремлен главный герой. Геометрическое построение романа обосновывает существование бинарных оппозиций (Джуд святой – Джуд грешник), через которые выражается художественная философия Харди.

Ключевые слова: язык символов, сюжет, образы, аллюзии.

«Джуд Незаметный» (“Jude the Obscure”, 1895) – последний роман Томаса Харди (Thomas Hardy, 1840-1928), ознаменовавший переход писателя от прозы к поэзии, иначе говоря, смену языка реалистического на язык поэтический, язык символов. «Символизация» пронизывает все пласты произведения, все образы и события романа имеют символический подтекст, но на первый план все же выходит символика библейская. Книгой Книг писатель был увлечен с детства. Харди восхищался «Молитвословом» (“Prayer Book”) и Священным Писанием, часто читал поучительные библейские истории. Романист утверждал, что критики, именовавшие его атеистом, были бы ближе к правде, если бы назвали его «церковным» (“churchy”). Писатель исправно присутствовал на службах, но, как замечает Д. Джонс, «перестал верить в церковные догматы» [1]. По словам Н.И. Соколовой, сомнения в существовании души и Бога, присущие викторианской эпохе, возникли под воздействием естественно-научных открытий, опровергнувших традиционную концепцию мироздания [2]. Одним из важных событий второй половины XIX века становится выход в свет работы Ч. Дарвина «Происхождение видов» (Charles Darwin “The Origin of Species”, 1859). Харди был хорошо знаком с трудом ученого. Как пишет А. Херст, «романист был одним из первых почитателей спорного учения» [3]. Об этом свидетельствуют многочисленные размышления Харди о роли натуралиста и его труда, отраженные в «Литературных записках» романиста (“The Literary Notebooks of Thomas Hardy” изданы в 1985 г.) [4] и «Жизнеописании» (“The Life of Thomas Hardy”, 1962) [5]. Писатель присутствовал на похоронах ученого в Вестминстерском Аббатстве (1882). Однако, несмотря на увлечение теорией Дарвина, Харди сохранял эмоциональную близость к англиканской церкви. На протяжении всей жизни романист ежедневно читал Библию, которая оказала серьезное влияние на формирование художественного мышления писателя и всегда оставалась для Харди богатым источником литературного вдохновения. Истории Ветхого Завета, по мнению романиста, наделены свойствами идеального искусства, в то время как современная литература пребывает в стадии младенчества. Т. Хэндс подсчитал, что в четырнадцати романах писателя встречается более 600 образов и символов Книги Книг.

Внимание библейской символике в романном творчестве Т. Харди уделили зарубежные и отечественные литературоведы. А.Дж. Герард в работе «Томас

* © Шими́на Е.В.

Харди» (А.Ж. Guerard “Thomas Hardy”, 1949), комментируя письма писателя по поводу романа «Джуд Незаметный», выделяет библейскую составляющую произведения [6]. Ф.Б. Пиньон в книге «Томас Харди: искусство и мысль» (F.B. Pinion “Thomas Hardy: Art and Thought”, 1977) посвящает главу под названием «Харди и миф» (“Hardy and Myth”) осмыслению библейских элементов в романе «Джуд Незаметный» [7], а в статье «Оксфорд и Джуд» (“Oxford and Jude”) литературовед разъясняет символическое значение названия «Кристминстер» [8]. В эссе «Символизм» (“Symbolism” в книге “Hardy the writer”, 1990) исследователь предпринимает попытку определить природу символики Харди [9]. Роль богословия в творчестве Харди становится предметом изучения Т. Хэндса в книге «Томас Харди: проповедник в затруднении?» (T. Hands “Thomas Hardy: Distracted Preacher?”, 1989) [10]. Р. Швейк размышляет о воздействии христианства на произведения писателя в работе «Влияние религии, науки и философии на творчество Харди» (R. Schweik “The influence of religion, science, and philosophy on Hardy’s writings” в книге “The Cambridge Companion to Thomas Hardy, 1999) [11].

С.В. Коршунова в исследовании «Т. Гарди – романист (проблема трагического)» при анализе системы символов в романном творчестве Харди выделяет несколько христианских символов [12]. С.Р. Матченя в исследовании «Система женских образов в “романах характеров и среды” Томаса Гарди» рассматривает женские образы через призму христианской культуры [13].

В романе «Джуд Незаметный» можно выделить три уровня понимания действительности: два внешних и внутренний. В первом разворачивается собственно сюжет произведения, где герои оказываются во «враждебных» для них обстоятельствах. Во втором – психологическом плане – рисуется мироощущение персонажей, столкновение их чувств, трагическое в своей безысходности и ведущее к гибели.

Существование «внутренней» стороны романа обозначено отрывком из Евангелия, взятым в качестве эпитафии: «Буква убивает» [14]. Но в эпитафия внесена лишь часть цитаты, отсутствует «продолжение»: «Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа; потому что буква убивает, а дух животворит» [15]. Место опущенной части занимают искания героев, составляющие «внутреннюю» сторону произведения.

Художественное построение произведения необычно. Харди в беседе с другом, Эдмундом Госсе, отмечал, что сюжет романа является «геометрически сконструированным» (“geometrically constructed”) [16]. Последний, комментируя впоследствии слова романиста, предполагал, что Харди имел в виду «крестообразность» (“cruciformity”) произведения.

«Крестообразное» построение прослеживается на протяжении всего романа. Завуалированный Оксфорд автор представляет как загадочный и манящий главного героя Кристминстер (Christminster). Название города состоит двух частей, которые можно легко расшифровать: Christ – Христос, Minster – собор. Так возникает один из «крестовых» образов романа. Джуд и Сью знакомятся именно в Кристминстере. Узнав о возможном отъезде кузины, внук булочницы непременно хочет еще раз повидаться с девушкой и назначает место встречи – «у креста, который отмечает место мученичества» [17]. Примечательно и то, что Джуд мечтает приступить к служению Богу в возрасте 30 лет, «ибо тридцати лет начал учить в Галилее Тот, кто служил ему примером» [18].

Анализируя образную систему романа с позиции библейских аналогии, можно выделить две пары героев: Джуд и Арабелла, Сью и Филотсон. Параллели из Священного Писания можно провести с каждым из персонажей.

Имя Джуд (Jude) семантически связано с библейским именем Иуда, а в переводе с немецкого языка означает «еврей, иудей». Харди наверняка знал о существовании подобной трактовки имени. Увлечение немецкой классической философией, записи на немецком языке в дневниках писателя подтверждают, что романист обладал несомненными знаниями в области немецкого.

Интересна история взаимоотношений юного Фаули и молодой Донн. Образ девушки связан с животными, героиня постоянно «запятнана» их кровью. Арабелла – дочь мясника (человека, который в силу своего ремесла постоянно имеет дело с кровью) – заводит знакомство с Джудом с помощью свиной требухи, якобы случайно выкинув отходы за ворота своего дома. Во время одного из свиданий Фаули и Донн преследуют убежавшего поросенка, который выращивался на мясо. После свадьбы парочка заводит свинью с целью получить доход от продажи мяса и кровяной колбасы. Джуд нарушает планы жены, не позволяя выпустить кровь из еще живого поросенка. Происшествие становится одной из причин распада семьи камнереза. Свинья, как известно, символ нечистых побуждений. Х. Кэрлот отмечает, что животное является символом «превращения высшего в низшее, морального разложения» [19]. В ряде религий, например, в иудаизме, животное воспринимается как не очень чистоплотное, питающееся отбросами, поэтому приверженцам данного верования не позволено употреблять в пищу свинину. Животное фигурирует в Талмуде как символ всего самого отталкивающего. Так, образ Арабеллы олицетворяет собой низшее начало жизни Фаули, является символом морального разложения героя. Имя девушки образовано от латинского *amabilis*, что в переводе означает «симпатичный, привлекательный». В романе имя актуализирует совершенно иное, противоположное значение. Несмотря на то, что в начале их взаимоотношений Джуд находит девушку привлекательной, после свадьбы он обнаруживает, что красота Арабеллы неестественна: ямочки на щечках появляются в случае особой надобности при определенном усилии мимических мышц, великолепная коса отстегивается и висит по ночам на спинке стула.

Во время первой встречи Джуда с дочерью мясника Харди сравнивает девушку с весталкой: «Отнюдь не весталка выбрала именно этот снаряд для начала своей атаки» [20]. Весталками называли девственных жриц богини Весты, хранительницы домашнего очага. Арабелла же была всегда любезна с представителями противоположного пола и вовсе не собиралась отказываться от мирских утех ради брака.

Одно из немногих свиданий «влюбленных» происходит в дешевой харчевне, где они «смотрели на висевшую на стене картину, изображавшую Самсона и Далилу» [21]. Эту же картину видит камнерез, когда случайно туда возвращается, незадолго до разрыва с женой. Судьба Фаули и Донн связана с историей этих библейских персонажей. Как в первый, так и во второй раз, дочь мясника идет на хитрость, чтобы завладеть камнерезом. Заманив Джуда в дом своего отца, Арабелла хочет убедиться, что ее «остриженный Самсон спит» [22]. Самсон – герой-израильтянин, «выступающий прообразом Иисуса Христа» [23]. Согласно Книге Судей Израилевых, он был наделен исключительным умом и физической силой. В Библии герой боролся со львом, побил филистимлян

ослиной челюстью, но ни один из эпизодов жизни Самсона, за исключением истории с Далилой, не стал самостоятельной темой в христианском искусстве. Далила (Далида) – филистимлянка вольного поведения, в библейской мифологии возлюбленная древнееврейского героя Самсона. Имя происходит от еврейского «лишать сил». Далиле удается узнать тайну необыкновенной силы Самсона, заключающуюся в волосах. Усыпив героя, она обрезает ему волосы и выкалывает глаза, а затем отдает несчастного филистимлянам за одиннадцать сиклей серебра. Чтобы удержать мужа возле себя, Арабелла покупает у доктора Вильберта любовный напиток, приготовленный из голубиной крови, рассчитывая «опоить» несчастного.

Образ учителя, супруга Сью, также является примером использования аллюзий из Священного Писания в романе. Фамилия Филотсон в английской транскрипции необычайно созвучна со словом «филистимлянин» (Phillotson - Philistine). Слово philistine имеет и другое определение: филистимлянином называли человека, имеющего узкий кругозор, простого обывателя. Попадая под влияние Ричарда, Сью, которая занималась искусством, совершенно меняется. Сюзанна – по-древнееврейски – лилия, цветок, символизирующий чистоту. Мария (Мэри) – второе имя девушки, ассоциируется с невинностью. С кухней связаны самые благие намерения Джуда. Девушка олицетворяет высшее, духовное начало в жизни Фаули, в то время как дочь мясника становится причиной разрушения самого героя. Женские образы в романе противопоставляются один другому, достаточно вспомнить эпизод, когда добросердечная Сью выпускает из клетки домашних питомцев – пару голубей, а «богомольная» госпожа Картлетт приобретает для Джуда лекарство из крови птиц. Мужские образы также представляют собой оппозиции: не получивший достойного образования, но стремящийся к знанию, Фаули и грамотный, но несколько ограниченный, учитель Филотсон. Подобные бинарные оппозиции являются элементами художественной философии писателя. Персонажи, которых якобы можно разбить по парам, постоянно пересекаются: в случае со Сью кузен соответствует духовным исканиям героини, а Филотсон подавляет все стремления девушки. Арабелла становится для Джуда сильным плотским искушением, а Брайдхед – той интеллектуальной вершиной, которой он стремится достигнуть. В одном из писем Харди отмечает, что противопоставления являются основой романа: «Конечно, данная книга построена на контрастах, по крайней мере, согласно первоначальному замыслу романа. Увы, какое же это ужасное достоинство! – например, Сью и ее языческие боги противопоставлены желанию Джуда читать Заветы на греческом; университеты Кристминстера и Кристминстерские трущобы; Джуд святой и Джуд грешник; Сью язычница и Сью святая; брак и связь вне брака» [24].

А.Дж. Герард прокомментировал высказывание великого романиста следующим образом: «Современный читатель явно различит контрасты, однако удивится тому, что в романе выдержана почти геометрическая конструкция; изумится тому, что все персонажи, кроме маленького Дедушки Время, на которых держится конструкция произведения, так четко расставлены в романе» [25]. Дедушка Время является основным связующим звеном в романе: он связывает Донн и Фаули; признавая Брайдхед своей матерью, мальчик не чужой и для школьного учителя, который на момент появления ребенка был законным супругом той, которая воспитывает кроху.

Джуд младший – один из самых трагичных образов романа. Странное прозвище ребенка связано с мотивом времени в романе: «он, казалось, бодрствовал вдвойне, словно порабощенное и превращенное в карлика божество, сидел пассивно и смотрел на своих спутников, как будто видел перед собой не реальные их фигуры, но всю их завершённую жизнь» [26]. Харди постоянно погружает героев в историю. Реставрируя соборы, Джуд и Сью совершают «паломничество» в мир давно прошедших эпох, соприкасаются с канонизированными образцами их культур; перемещаются из одного временного пространства в другое, как бы находясь на грани двух эпох – патриархальной со строгими моральными принципами, которые уже неприемлемы для героев, и новой, которая еще не укрепилась в своих позициях.

Не найдя места, семья Фаули возвращается в Крестминстер. Джуд по этому поводу замечает: «Променив Кэннетбридж на этот город, мы словно перешли от Каиафы к Пилату!» [27]. Фраза заставляет провести аналогию между самоубийством ребенка и библейским распятием Христа. Более того, картина гибели детей Фаули схожа с событиями из Священного Писания: «в дверь были вбиты два крюка для платья, и на этих крюках висели двое младших детей; веревочная петля стягивала им шею, а в двух-трех ярдах от них висел маленький Джуд... его остекляневшие глаза смотрели в пространство; но у девочки и младшего мальчика глаза были закрыты» [28]. Фигура Дедушки Время выделяется на фоне других безымянных детей, как и фигура Иисуса среди преступников. Малютки становятся «ворами» счастья у Сью и Джуда, ведь, по мнению старшего сына, именно они осложнили и без того непростую жизнь родителей. Надписью, заменяющей «Иисус Назарей Царь Иудейский», становится предсмертная записка: «Сделал это, потому что нас слишком много» [29]. «Done because we are too menny» [30]. Образ скорбящей Сьюсэн Мэри (иначе Мария) ассоциативно связан с образом Марии, матери Иисуса. Несчастная оплакивает своих детей у креста: «казалось, он висел в воздухе на невидимой проволоке; он был усыпан крупными драгоценными камнями, которые слабо вспыхивали в бледных лучах, врывавшихся снаружи, когда крест покачивался тихо и едва заметно. Под ним, на полу лежала как будто кучка черной одежды – и раздавалось всхлипывание, которое Джуд слышал раньше. Это была его Сью, простертая на плитах» [31]. После смерти мальчика Харди пишет: «Из-за опрометчивости родителей он страдал, из-за их несоответствия он мучился, и из-за их несчастий он умер» [32]. В это время на органе в часовне колледжа исполнялся отрывок из псалма «Как благ Бог к Израилю» («Truly God is loving unto Israel»).

Символически значимым является и загадочное появление мальчика: ребенок считает своей матерью Сью, хотя девушка во время его рождения оставалась невинной. Дедушка Время появляется на свет на другом континенте в то время, когда отец малыша живет в Крестминстере, «Небесном Иерусалиме». По возвращении туда беременная Сью и Джуд вынуждены скитаться в поисках пристанища, как, согласно библейской истории, скитались родители Иисуса в поисках ночлега. О приезде ребенка Харди пишет: «Yet the advent of the child disturbed him» [33]. Слово «advent», которое использует романист, в своем религиозном значении определяется как «пришествие».

Но с «пришествием» Дедушки Время и со смертью детей жизнь героев лишь усложняется. Сью не может больше оставаться женой Фаули, говоря о

том, что их союз запятнан кровью. Она возвращается к Филотсону, отдавая в жертву то, «что она называла своими принципами» [34]. Миссис Эдлин, наблюдая за странными отношениями «новобрачных», произносит: «нынче свадьбы стали походить на похороны» [35]. Горькая судьба ожидает и Джуда. Плотник умирает в одиночестве. На похоронах Фаули Арабелла в ответ на вопрос вдовы о том, простил ли Джуд Сью, отвечает: «Она может клясться в этом на коленях перед Распятием, пока не охрипнет, но это ложь!.. Не было у нее покоя с тех пор, как она вырвалась из его объятий, и пока она не умрет... Как умер он!» [36].

Дедушка Время своим поступком разрушает казалось бы сложившийся мир семьи Фаули. Единственными, кто уцелел, становятся Арабелла и аптекарь Вильберт, хитроумный делец и вечный странник. Характерные черты, сближающие персонажей, – откровенная расчетливость и практичность – высвечивают преобладающую тональность века, социальные и духовные ориентиры эпохи. Р. Швейк, комментируя влияние теории естественного отбора на творчество Харди, отмечает, что в романе «чувствительные и одухотворенные Джуд и Сью в конце концов уничтожены, в то время как грубая Арабелла и беспринципный Вильберт сумели хорошо адаптироваться для достижения своих низменных целей. Так Харди пессимистично оценивал последствия эволюции человечества» [37].

Представления романиста о судьбах человечества перекликаются с ламентациями лирического героя из стихотворения «Гимн Прозерпине» Суинберна (A.Swinburne «Hymn to Proserpina», 1866), любимого поэта Харди. Строфы из его стихотворения «Гимн Прозерпине» цитирует Сью:

«Ты победил, о, бледный Галилеянин, Мир серым стал от твоего дыхания» [38].

“Thou hast conquered, O pale Galilean; the world has grown grey from thy breath” [39].

Лирический герой гимна, старец, стоящий на пороге смерти, скорбит о свержении языческих богов и сомневается в истинности христианства. Новая вера кажется ему непонятной и безрадостной: многоцветный мир после пришествия Иисуса становится миром мрачным и серым. Герой не понимает, зачем окрашивать и без того несчастную жизнь в черный цвет. Старик мучительно воспринимает перемены, оплакивает гибель античных богов. Герой устал от жизни, он жаждет смерти, чтобы попасть туда, где находятся его предки – в царство Прозерпины. Выбрав богиню в качестве значимого образа в произведении, Суинберн стремится показать противоречивость эпохи. Образ Прозерпины у поэта многогранен: она – девушка, собирающая цветы на зеленом лугу, королева подземного мира, богиня земли (Суинберн отождествляет ее с Деметрой) и циклического вращения. С идеей цикличности связан и авторский замысел: по мнению поэта, все переменчиво и все циклично.

Таким образом, в романе Харди происходит перенесение традиционных элементов библейской символики на новую «почву», которая составляет особый план характеров и сюжетов романа, вплетается в систему отношений героев, которые могут быть спроецированы на образы из Священного Писания. Библейский пласт в целом определяет идейный замысел и художественную структуру романа «Джуд Незаметный», открывает безграничные возможности для его философского осмысления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Jones D. The One Believed-in Thing // *The Thomas Hardy Journal*: 10.3, 1994. – P.49.
2. Соколова Н.И. Творчество Д.Г.Россетти в контексте «средневекового возрождения» в викторианской Англии: Монография. – М., 1995. – С. 3.
3. Hurst A. Hardy: An illustrated dictionary – London: Kaye & Ward LTD, 1980. – P.39.
4. *The Literary Notebooks of Thomas Hardy*. Ed.Lennart A. Björk. – New York: New York University Press, 1985, vol.1. – pp.74, 92, 132. Vol.2. – pp. 224, 233-234.
5. Hardy F.E. The life of Thomas Hardy 1840-1928.- London: Macmillan & Co LTD, 1962. –pp. 153, 259, 321-322.
6. Guerard A.J. Thomas Hardy. - Cambridge: CUP, 1949. - P.62.
7. Pinion F.B. Hardy and Myth // *Thomas Hardy: Art and Thought*. - London and Basingstoke: Macmillan Press LTD, 1977. – P. 103-118.
8. Pinion F.B. Oxford and Jude // *Thomas Hardy: Art and Thought*. - London and Basingstoke: Macmillan Press LTD, 1977. – P.187-189.
9. Pinion F.B. Hardy the Writer. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London: The Macmillan Press LTD, 1990. – P.237-247.
10. Hands T. Thomas Hardy: Distracted Preacher? – London: Macmillan, 1989.
11. Schweik R. The influence of religion, science, and philosophy on Hardy’s writings” // *The Cambridge Companion to Thomas Hardy* ed. by D.Kramer. – Cambridge: CUP, 1999. – P.
12. Коршунова С.В. Т.Гарди – романист (проблема трагического): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – С. 129.
13. Матчяня С.Р. Система женских образов в романах «характеров и среды» Томаса Гарди: Дис. ... канд. филол. наук. – Балашов, 2001. – С. 18.
14. Здесь и далее цитаты из текста по изданию: Харди Т. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8Ж Джуд Незаметный: Роман / Пер.с англ.А. Кривцовой; Состав. Ю.Сенчулова; Примеч. Е.Ланна, Ю. Сенчулова. – М., 2007. – С. 6.
15. Библия. Книги Ветхого и Нового Завета канонические. Синодальное издание. – М., 1991.
16. Pinion F.B. Hardy and Myth // *Thomas Hardy: Art and Thought*. - London and Basingstoke: Macmillan Press LTD, 1977. – P. 110.
17. С. 102.
18. С. 133.
19. Кэрлот. Х.Э. Словарь символов. – М., 1994. – С. 456.
20. С. 44.
21. С. 48.
22. С. 393.
23. Словарь христианского искусства / Авт.-сост. Апостолос – Кападонна Д. – Челябинск, 2000. – С. 198.
24. Hardy F.L. The Later Years of Thomas Hardy. – London and New York. – P. 79-80.
25. Guerard A.J. Thomas Hardy. - Cambridge: CUP, 1949. – P. 62.
26. С. 284.
27. С. 341.
28. С. 347.
29. С. 347.
30. Hardy Th. Jude the Obscure. – London: Macmillan, St Martin’s Press, 1973. – P.347.
31. С. 362.
32. С. 348.
33. Hardy Th. Jude the Obscure. – London: Macmillan, St Martin’s Press, 1973. – P.289.
34. С. 382.
35. С. 414.
36. С. 425.
37. Schweik R. The influence of religion, science, and philosophy on Hardy’s writings” // *The Cambridge Companion to Thomas Hardy* ed. by D.Kramer. – Cambridge: CUP, 1999. – P.64.
38. С. 98.
39. Hardy Th. Jude the Obscure. – London and Basingstoke: Macmillan London LTD, 1973. – P. 103.

E. SHIMINA

BIBLICAL SYMBOLISM IN THOMAS HARDY'S "JUDE THE OBSCURE"

The paper mainly focuses on writer's use of Biblical symbolism in the novel "Jude the Obscure". Christminster associated with Jerusalem becomes one of the most important Biblical symbols. All the characters can be divided into pairs which are the basis for the geometrical construction of the novel. Little Father is associated with the image of Christ. The novel illustrates well his emotional need and intellectual confusion in matters of religion and Darwin's theory.

Key words: language of symbols, a plot, images, hints.